

УДК 81' 255

Олейник А.Ю.

Московский государственный областной университет

ВАРИАТИВНОСТЬ В ЯЗЫКОВОМ ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ И КРИТЕРИИ ЕЁ ОЦЕНКИ

A. Oleyunik

Moscow State Regional University

THE VARIATION IN LANGUAGE MEDIATION AND CRITERIA OF ITS ESTIMATION

Аннотация. Настоящее исследование направлено на изучение проблемы вариативности в языковом посредничестве. Основное внимание уделяется анализу двух критериев оценки её глубины. Нижним критерием является языковая форма текста. В качестве верхнего критерия оценки выступает дискурсивная форма. С этой точки зрения выделяются две разновидности «глубины» вариативности в опосредованной межъязыковой коммуникации: отклонение вторичного текста от языковой формы текста исходного (данная глубина определяется с помощью нижнего критерия) и отклонение вторичного текста от дискурсивной формы оригинала (данная глубина определяется при помощи верхнего критерия).

Ключевые слова: языковое посредничество, переводческие трансформации, языковая форма текста, дискурсивная форма текста, перевод, интерпретация, сопоставительный анализ текстов.

Abstract. The present scientific research is concerned with studying the problem of variation in language mediation. The main attention is focused on the analysis of the criteria which help to estimate its depth. The linguistic form of the text is a lower criterion, while the text's discourse form is the upper criterion of estimation. From this point of view, the depth of variation in mediate interlanguage communication is divided into two types: as a divergence of the target text from the source text's linguistic form (this depth is estimated by the lower criterion) and as a divergence of the target text from source text's discourse form (this type of depth is estimated by the upper criterion).

Key words: language mediation, translational transformations, linguistic form of the text, discourse form of the text, translation, interpretation, comparison analysis of texts.

Формальные отклонения в процессе опосредованной межъязыковой коммуникации (перевода, интерпретации) всегда варьируются. В одних случаях при переводе представляется возможным установить смысловое соответствие между разноязычными текстами с помощью эквивалентных языковых средств, изредка прибегая к трансформациям. Такие ситуации распространены преимущественно в специальном переводе, где переводчик обязан устанавливать максимальное тождество между ИТ и ПТ. Что же касается общественно-политического перевода, то здесь достаточно часто возникает необходимость использовать трансформации, затрагивающие как грамматическую, так и семантическую сторону высказывания. Кроме того, при осуществлении данного вида перевода нередко приходится прибегать к перестановкам, добавлениям и опущениям, экспликациям и компрессиям содержания. В отличие от специального и общественно-политического, в художественном переводе представлен более разнообразный спектр переводческих приёмов с точки зрения масштаба и глубины. Здесь наряду с вышеуказанными приёмами используются и «радикальные» преобразования, влекущие изменения не только на языковом уровне высказывания, но и на уровне смыслового содержания.

Глубокие преобразования, как правило, используются для передачи реалий, тропов, фигур речи, фразеологических единиц, архаизмов, речевых стереотипов, речи иностранцев

© Олейник А.Ю., 2013.

(разговаривающих на английском языке), не-правильной или дефектной речи, а также при нейтрализации различий в запасах фоновых знаний представителей этнокультурных общностей [3, с. 155–156; 7, с. 94; 14, с. 10].

На протяжении долгого времени вариативность как явление в опосредованной межъязыковой коммуникации изучается в русле различных направлений отечественной и зарубежной теории перевода. Сторонники субститутивно-трансформационного типа онтологии преимущественно изучают вариативность, осуществляемую на уровне языковой организации текста [10; 17] и (за исключением некоторых учёных [5; 8; 19]) редко обращаются к изменениям смыслового содержания (они считаются недопустимыми при переводе). Представители деятельностного типа онтологии, напротив, обращаются к анализу модификаций на уровне текстового смысла [7; 20] и практически не интересуются изменениями на языковом уровне текста.

Вместе с тем, несмотря на расхождения принципов указанных подходов, вариативность в переводе (и языковом посредничестве в целом) всё же признана одной из актуальных проблем современной лингвистики. Следует отметить, что сторонникам как трансформационного, так и деятельностного направления так или иначе необходима **точка опоры** в исчислении производимых при переводе изменений (трансформаций, модификаций), которые являются **показателем** масштаба и глубины отклонения ПТ от ИТ [13, с. 103]. С одной стороны, производимые (переводчиком, интерпретатором) изменения являются очевидными, а с другой – трудно поддаются исчислению. В самом деле, на каком основании мы можем полагать, что в тексте перевода произошло изменение относительно текста оригинала? Как могут оцениваться масштаб и глубина отступлений ПТ от ИТ? По каким критериям можно доказать оправданность перехода от перевода к интерпретации, даже если на это есть причины?

Безусловно, данные вопросы ещё ждут своего решения, однако, несмотря на это, уже можно определить критерии, по которым

определится масштаб и глубина отступления вторичного текста от оригинала, то есть вариативность в межъязыковой коммуникации.

Итак, под нижним критерием мы понимаем **языковую форму** высказывания (текста). В качестве верхнего критерия мы рассматриваем **дискурсивную форму** текста. С этой точки зрения понятие «глубина изменения» получает двойную трактовку: выделяется глубина с точки зрения отклонения вторичного текста от исходного текста по языковой форме и глубина отклонения вторичного текста по форме дискурсивной.

Первая определяется на основе нижнего критерия – **языковой формы**. Этот процесс распадается на два этапа. Прежде всего, чтобы определить, какие стороны формы высказывания на ПЯ находятся в отношении различия или тождества к сторонам формы высказывания на ИЯ, необходимо провести их предварительный анализ и определить элементную базу. Следующим этапом является **сопоставительный анализ** элементов языковой формы переводного высказывания с элементами языковой формы высказывания исходного. При помощи метода сопоставительного анализа представляется возможным определить, в каком отношении друг к другу находятся соотносительные элементы и, таким образом, установить степень отклонения языковой/ дискурсивной формы высказывания на ПЯ от языковой/ дискурсивной формы высказывания на ИЯ.

«Метод, – указывал в своё время Гегель, – есть сознание формы внутреннего самодвижения его содержания» [6, с. 33], поэтому нельзя не отметить эффективность и ценность этого научного метода для переводоведческой науки. Метод **сопоставительного анализа** признан **специальным научным методом** теории перевода и используется наряду с такими методами, как **моделирование** [11], **дедукция** [2], **эксперимент** [20], **«закрытых слов»** [12]. «... В любом лингвопереводческом исследовании, – пишет В.Н. Комиссаров, – исходным материалом служат тексты оригинала и перевода, а основным методом анализа – **сопоставление** (выделено нами. – А.О.) соотне-

сённых отрезков этих текстов. Теоретические постулаты, с помощью которых исследователь пытается описать и объяснить феномен перевода, должны основываться на результатах подобного сопоставления и подтверждаться при их проверке на новых множествах текстов» [9, с. 8]. А. Попович отмечает: «Методическая проблема теории перевода вытекает из **сопоставительного характера** перевода (*выделено нами.* – А.О.). В самой основе перевода лежат языковые операции, или сопоставление двух языковых систем» [16, с. 24].

Более того, сопоставительный анализ текстов на ПЯ и текстов на ИЯ «даёт возможность представить ненаблюдаемый процесс в виде ряда лингвистических операций, выбор которых обуславливается языковыми особенностями оригинала и соответствующими явлениями в языке перевода. Изучение подобных операций, как показывает опыт, оказывает большую помощь в практике перевода, и поэтому оно занимает важное место в подготовке переводчиков» [8, с. 134].

Добавим также, что ещё на этапе становления теории перевода именно сопоставительный метод позволил учёным выявить многочисленные случаи совпадений и различий между разноязычными текстами и тем самым определить два основных приёма, с помощью которых осуществляется перевод: подстановки и межъязыковые (переводческие) трансформации. С другой стороны, сопоставление ИЯ и ПЯ дало возможность устанавливать степень грамматических и лексических расхождений между ними, а это в свою очередь позволило определить степень трудностей, возникающих в процессе перевода. Впрочем, в 50-е–60-е г. XX в. переводоведение в большей степени занималось сопоставительным изучением лингвистических аспектов контактирующих при переводе языков [4; 10; 16; 17; 18]. Изучению природы смысловой структуры речевого произведения, а также экстралингвистических аспектов переводческой деятельности особого внимания в то время не уделялось.

Обратимся к анализу вариативности в языковом посредничестве и попытаемся дать ей оценку с помощью нижнего критерия.

(1) Мы должны ²⁾**подходить** к этому очень ¹⁾**аккуратно** (цит. по: [15, с. 16]).

(1) We must take a very ¹⁾**prudent** ²⁾**approach** (цит. по: [15, с. 16]).

Сопоставительный анализ разноязычных высказываний показывает, что они соответствуют друг другу по смыслу и дискурсивной форме: рема (“**prudent**”) = реме (“**аккуратно**”). На уровне языковой формы между высказываниями наблюдается различие, поскольку при переводе применены трансформации. Первой модификацией является замена наречия ¹⁾(“**аккуратно**”) прилагательным ¹⁾(“**prudent**”). Данная трансформация доминантная, поскольку затрагивает грамматический аспект языкового оформления экспрессивного центра высказывания. В качестве следующей выступает замена глагола ²⁾(“**подходить**”) существительным ²⁾(“**approach**”). Подвергшийся замене элемент перемещается в постпозицию к прилагательному (“**prudent**”), ближе к конечной части высказывания на ПЯ. На основании сопоставительного анализа разноязычных высказываний становится очевидным, что как по глубине, так и по масштабу данные трансформации в целом незначительны, так как осуществляются на языковом уровне и не вторгаются в область смыслового содержания.

Рассмотрим вариативность в языковом посредничестве с точки зрения её оценки по верхнему критерию – дискурсивной форме текста.

Принципиальным здесь также является сопоставительный метод. Сопоставляя дискурсивную форму текста на ПЯ с дискурсивной формой текста оригинала, мы можем определить их тождество или различие. В тех случаях, когда при использовании трансформаций дискурсивная форма ПТ инвариантна дискурсивной форме ИТ, такую трансформацию следует признать неглубокой. Если осуществляемые посредником трансформации вторгаются в область данной формы и приводят к её изменению (т. е. к отклонению от ИТ), такие трансформации могут быть оценены как глубокие. Изменение дискурсивной формы при использовании “глубо-

ких” и масштабных приёмов (разумеется, по определённым причинам) означает, что языковой посредник уже выполняет функцию не переводчика, а **интерпретатора**, так как смысловая обработка текстового содержания (смысловые расширения, сужения, переформулирования) при переводе недопустима. Разумеется, интерпретатору на этапе вероятностного прогнозирования следует видеть перед собой потенциального получателя вторичного текста (конкретного или усреднённого), учитывать его коммуникативную компетенцию.

Проведём анализ примера осуществления отступления вторичного текста от дискурсивной форма текста исходного и попытаемся определить масштаб модификации.

исходный текст: (1) *«Вы напишете всё, что скажу?» – хитро улыбаясь, спросил меня представитель американской фирмы «Мин энд Ассосиадес» Хулио Васкес.* (2) – *Тогда пишите:* «вначале я не надеялся на успешное сотрудничество с советской фирмой. (3) Мы не знали уровня советской техники, уровня сотрудников Энергомашэкспорта» [21, с. 32].

вторичный текст: (1) Julio Vasquez, a representative of Main and Asosiados said: «At first I was doubtful about successful cooperation with a Soviet firm. (2) We did not know about the Soviet technical level and the competence of Energomashexport specialists» [22, с. 33].

Сопоставительный анализ фрагментов разноязычных текстов показывает, что по объёму смыслового содержания вторичный текст явно “уступает” исходному. В первом (англоязычном) высказывании интерпретатор не выразил информацию: *«Вы напишете всё, что скажу?» – хитро улыбаясь, спросил меня представитель американской фирмы... Тогда пишите...»*, что можно понимать как использование приёма **смысловой компрессии**, который характеризуется как опущение/сокращение избыточной информации или той, которая может представляться несущественной для получателя.

В данном контексте компрессия содержания представляется полностью оправданной, поскольку невыраженная информация («Вы

напишете всё, что скажу?» – хитро улыбаясь, спросил меня представитель американской фирмы... Тогда пишите...») вряд ли является «ценной» для носителей английского языка. Поэтому отклонение от дискурсивной формы текста оригинала не следует воспринимать как некую вольность посредника, осуществляющего коммуникативный акт.

Рассмотрим другой пример, где используется целый комплекс разноплановых глубоких трансформаций (модификаций) содержания.

(1) *Moreover, Barak did oppose the 1995 Oslo agreement on interim autonomy for Palestinians: he was no peacenik* (цит. по: [1, с. 132]).

(1) *Барак никогда не был на стороне тех, кто выступал за мир с арабами любой ценой.* (2) *Так, он всегда высказывался против заключённого в Осло соглашения 1995 года о предоставлении палестинцам временной автономии* (цит. по: [1, с. 132]).

В данной ситуации осуществить передачу содержания исходного высказывания также не представляется возможным без использования интерпретации.

Прежде всего, особую трудность при передаче смысла высказывания создаёт элемент «*peacenik*», который выступает в двух значениях: “противник войны” и “участник антивоенной демонстрации”. Понятно, что в данном контексте дословный перевод этого элемента недопустим. Невозможность его прямой передачи мотивирует языкового посредника осуществить интерпретационную операцию – смысловое расширение (экспликацию). В результате операции элемент («*peacenik*») в русскоязычном высказывании приобретает значение ‘*сторонник мира между израильтянами и палестинцами, который готов идти на уступки любой ценой*’. Следует отметить, что, помимо смыслового развития, языковой посредник перераспределяет элементы содержания. Во втором высказывании мы также наблюдаем экспликацию: более точное описание того соглашения, против которого выступает Барак.

Таким образом, трансформации (экспликации, добавления, перестановки частей

высказывания) затрагивают область смыслового содержания и могут быть с уверенностью признаны глубокими. Конечно, здесь мы чётко видим выход за пределы перевода в область интерпретации, однако такое действие языкового посредника представляется оправданным.

В заключение подведём итоги нашего исследования.

При оценке варибельности языковой формы вторичного текста, степени её отклонения от языковой формы текста оригинала принципиальное значение имеет взаимосвязь языковой и дискурсивной форм. Языковая форма выступает в качестве нижнего критерия оценки переводческой трансформации и является зависимой переменной. Дискурсивная форма, напротив, выступает в качестве верхнего критерия оценки переводческой трансформации и является независимой переменной. Оценка глубины любого изменения в переводе и/или интерпретации осуществляется методом **сопоставительно-го анализа** способа языкового выражения и дискурсивной формы высказывания на ПЯ с языковым выражением и дискурсивной формой высказывания на ИЯ.

На основании проанализированных примеров представляется возможным утверждать, что понятие «глубина переводческой трансформации» может иметь двойную трактовку. В том случае, когда изменение касается лишь аспекта языковой формы при точном соблюдении параметров дискурсивной формы ИТ, это – результат осуществления в целом неглубоких трансформаций. Если преобразования вторгаются в область дискурсивной формы (в масштабе отдельного высказывания или группы высказываний), это результат трансформаций большой глубины. Осуществление таких трансформаций означает, что языковой посредник уже выходит за рамки перевода и реализует иной вид языкового посредничества – **интерпретацию** [14, с. 24–27]. Такие трансформации обусловлены экстралингвистическими факторами.

Анализ примеров также показал, что языковая форма текста может быть признана

нижней границей опосредованной межъязыковой коммуникации. Данная форма – это необходимая **точка отсчёта** в анализе и оценке вариативности не только перевода, но и интерпретации. Дискурсивная форма, напротив, может рассматриваться как верхняя граница не только перевода, но и интерпретации. В аспекте дискурсивной формы языковой посредник может чётко контролировать глубину и масштаб осуществляемых операций: если при переводе посредник применяет трансформацию, связанную со смысловой переработкой содержания (переформулирования, масштабные добавления, компрессии и пр.) то это означает **выход** за рамки перевода в область интерпретации. С другой стороны, ориентируясь на дискурсивную форму исходного текста при осуществлении интерпретации, языковой посредник (интерпретатор) также может следить за глубиной модификаций и тем самым предотвращать выход за рамки интерпретации в область резюмирования (как известно, пределы приёмов осуществления интерпретационной деятельности также не являются безграничными).

Важно принимать во внимание то обстоятельство, что при отклонении от дискурсивной формы ИТ в масштабе высказывания (при осуществлении перевода) должна оставаться неизменной общая смысловая коммуникативная установка речи в выбираемом масштабе текстового дискурса – СФЕ. Важно также принимать во внимание и влияние стилистической принадлежности ИТ, поскольку трансформации, характерные для перевода художественных текстов, являются совершенно недопустимыми при передаче содержания научных, юридических, технических и других специальных текстов.

Более того, на языкового посредника (при осуществлении интерпретации) также распространяются запреты по применению «глубоких модификаций» в тех случаях, если:

- происходит радикальное изменение коммуникативного задания исходного высказывания и СФЕ;
- осуществляются изменения смыслового содержания без обоснования мотива

(произвольные переформулирования, добавления, неуместные опущения, неуместные комментарии) или авторского способа подачи информации;

– имеют место перестановки целых сверхфразовых структур внутри текста, которые нарушают логику развёртывания мысли.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Литература:

1. Бреус Е.В. Курс перевода с английского языка на русский: учебное пособие. – М.: Р. Валент, 2007. – 320 с.
2. Ванников Ю.В. О едином комплексе переводческих дисциплин // Вопросы теории и практики перевода. – М.: Изд-во УДН им. П. Лумумбы, 1970. – С. 1–14.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 342 с.
4. Гак В.Г., Ройзенблит Е.Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. – М.: Высшая школа, 1965. – 378 с.
5. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 2007. – 544 с.
6. Гегель Г. Наука логики. Соч. Т. 5. – М.: Гос. соц.-эконом. изд., 1937. – 716 с.
7. Иовенко В.А. Основы концепции детерминизма в переводе (на материале испанско-русских и русско-испанских переводов): дис. ... д-ра. филол. наук. – М., 1992. – 310 с.
8. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. – М.: Международные отношения, 1980. – 278 с.
9. Комиссаров В.Н. Теория перевода на современном этапе // Тетради переводчика. – Выпуск 13. – М.: Международные отношения, 1976. – С. 3–12.
10. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Почему нужны грамматические трансформации при переводе? // Тетради переводчика. – № 8. – М.: Международные отношения, 1971. – С. 12–23.
11. Марчук Ю.Н. Методы моделирования перевода. – М.: Наука, 1985. – 200 с.
12. Найда Ю. Наука перевода // Вопросы языкознания. – 1970. – № 4. – С. 3–14.
13. Олейник А.Ю. Взаимодействие переводческих трансформаций в динамике текстового дискурса // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2012. – № 4 – С. 98–104.
14. Олейник А.Ю. Интерпретация текста и методика её осуществления: учебно-методическое пособие. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – 64 с.
15. Палажченко П.Р. Мой несистематический словарь. Из записной книжки переводчика. В 2-х тт. Том 1. – 7-е изд., стереотип. – М.: Р. Валент, 2008. – 304 с.
16. Попович А. Проблемы художественного перевода. – М.: Высшая школа, 1980. – 199 с.
17. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 1974. – 215 с.
18. Федоров А.В. О задачах сопоставительного изучения языков // Немецко-русские языковые параллели. – М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1961. – С. 5–26.
19. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
20. Ширяев А.Ф. Специализированная речевая деятельность (психолингвистическое исследование на материале синхронного перевода): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1979. – 474 с.

Источники:

21. Милюков О. СССР – Аргентина: сотрудничество в энергетике // Спутник (журнал). – 1985. – № 5. май. – 72 с.
22. Milyukov O. The USSR – Argentina: cooperation in electric power production // The Sputnik (magazine). – 1985. – No 5. – May. – 72 p.